

Кадзуму Арааки насильно погрузили в беспамятство. Однако А-Эр, пока его сознание окончательно не угасло, успел сменить персонажа и войти в игру под именем Сидзуки Годзё.

Его злила собственная неосмотрительность. Стоило пробудиться в теле Сидзуки, как его природная хладнокровность и сдержанность многократно усилились. Кадзума тщательно разобрал по косточкам все свои недавние действия и в очередной раз пришёл к выводу: чувства — самый нестабильный, неуправляемый фактор. Чтобы добиться безупречности, при необходимости придётся пожертвовать и ими.

Закончив анализ, он озадаченно спросил у Системы:

— Слушай, я ведь что-то забыл, верно?

«Советую заглянуть в инвентарь»,* — заботливо отозвался Система.

И впрямь, без его подсказки он бы и не вспомнил. Всё-таки «Симулятор твоей жизни» обеспечивал слишком глубокое погружение. Незаметно для себя Кадзума настолько вжился в роль, что едва не принял этот суррогат за реальность.

Он открыл инвентарь. «Разрушитель правил (модифицированная версия)», «Наряд волшебницы», «Сыр — это сила»... Вроде бы ничего необычного.

Постойте-ка. А это ещё что?

«[Накопитель воспоминаний]»

«[Стеклянный флакон, предназначенный для хранения памяти.]»

«[Хотя сами воспоминания надёжно запечатаны, их остаточный след в сознании не стирается полностью.]»

«[Примечание: одноразовый предмет. Чтобы вернуть утраченное, разбейте флакон.]»

А-Эр извлёк артефакт. Стеклянный сосуд был заполнен клокочущим белым туманом. На вид хрупкий и невесомый, в ладони он лёг неожиданной, почти физически ощутимой тяжестью.

«Разве я пользовался им раньше? — недоумевал он. — Почему в голове пусто? Неужели накопитель стирает даже сам факт своего применения?» Если бы не своевременная подсказка Системы, он бы в жизни не догадался о существовании этой вещи.

Нет, дело в другом. Будь он сейчас в теле Кадзумы Арааки, Система вполне могла бы промолчать. Или выдала бы подсказку в своей излюбленной издевательской манере — например, подбила бы признаться в любви какому-нибудь прохожему, который на самом деле оказался бы боссом Чёрной организации.

Но здесь, рядом с Сидзукой Годзё, Система вёл себя иначе. Он соответствовал его собственным ожиданиям: был ироничным, но надёжным проводником, склонным к тонкому чёрному юмору.

«Значит, прежний я предвидел такой исход и специально дождался перевоплощения в Сидзуку, чтобы воспользоваться накопителем?»

Отбросив лишние сомнения, он с силой швырнул стеклянный флакон на пол.

Он лежал посреди липкого кровавого месива.

Всё тело обволакивала густая, тёплая жижа. Веки склеились, словно их залили смолой. С трудом разомкнув их, он увидел перед собой бесформенную тёмную массу.

У существа не было лица — лишь колышущийся призрачный силуэт, медленно тающий в предсмертной агонии. Первобытный, неосознанный инстинкт заставил А-Эра закричать:

— Мама! Мама!

Но в следующее мгновение проклятый дух окончательно растворился в воздухе. Лишь слабый порыв ветра, точно прощальное прикосновение, скользнул по щеке младенца. Горячие слёзы хлынули из глаз А-Эра, и он долго не мог прийти в себя.

Отныне ему суждено в одиночку противостоять этому жуткому, жестокому, полному отчаяния миру. Больше никто не приласкает его, не подарит материнское тепло и любовь.

Новый порыв ветра оказался резким и холодным. А-Эр сжался в комок, дрожа всем телом, словно новорождённый ягнёнок на морозе.

Липкая кровь, покрывавшая его кожу, источала тяжёлый, тошнотворный запах. Он уже собирался отползти в сторону, чтобы найти воду и отмыться, как вдруг уловил едва различимый, тихий писк. Кто-то плакал.

Повернув голову, А-Эр заметил рядом со своим недавним лежбищем крохотный шевелящийся комочек. Присмотревшись, он понял, что это младенец.

«Это мой брат. Мой близнец».

Голос крови нашептал ему эту истину. В груди разлилась щемящая нежность... и в тот же миг с уголка губ потекла голодная слюна.

«Ой, нет-нет-нет, это же мой родной брат! Его нельзя есть!»

А-Эр поспешно сгрёб кроху в охапку. Малыш был настолько крошечным, что легко умещался на одной ладони. Никогда прежде не державший на руках младенцев, А-Эр понятия не имел, нормален ли такой недовес. Ему оставалось лишь бережно прижать братишку к себе.

То ли сработал зов крови, то ли тепло чужого тела подействовало, но стоило взять малыша на руки, как тот умолк.

Сердце А-Эра окончательно растаяло. Он уже потянулся было поцеловать брата в крошечный лоб, как вдруг заметил на его предплечье багровую отметину. Пригляделся... След от зубов. И, судя по очертаниям, укусил его не кто иной, как сам А-Эр.

Какое там родство! Малыш затих от банального ужаса. Бедняжка просто боялся издать лишний звук, чтобы прожорливый братец не оттяпал от него ещё кусочек.

Почувствовав укол совести, А-Эр виновато погладил багровый след, мысленно желая, чтобы рана поскорее затянулась. И чудо произошло: стоило ему прикоснуться к отметине, как кожа младенца мгновенно разгладилась.

Не успел он обрадоваться, как собственное предплечье пронзило колющей болью. Взглянув на руку, А-Эр обнаружил точно такой же укус на собственной коже.

«Значит, такова способность моего тела? Переносить чужие увечья на себя?»

Постепенно мысли прояснились, и он наконец смог осмотреться.

Они находились в чаще первозданного, глухого леса. Могучие исполинские стволы уходили высоко в небо, подпирая кронами облака. Вокруг, куда ни кинь взор, расстился бескрайний океан зелени.

Дикая природа здесь явно не знала топора человека. Пока А-Эр пытался сориентироваться, над головой с шумом пронеслось несколько птичьих стай. И в прошлой жизни, и в последующих перерождениях он видел птиц разве что на картинках в учебниках, да и в виртуальных мирах никогда не обращал на них внимания. Разумеется, сейчас он не смог бы назвать ни одной породы.

В кустах бесшумно скользнули серые тени. Несколько волков принялись, заходясь голодным слюнотечением при виде сочного младенца. Но стоило вожаку встретиться взглядом с безмятежно улыбающимся А-Эром, как хищники, жалобно заскулив, поджали хвосты и бросились наутёк.

Сам А-Эр никого пугать не собирался. Его мысли были заняты другим. Насколько он помнил,

японские волки были полностью истреблены людьми — последний хищник погиб от рук охотников ещё в 1905 году.

Если здесь бродят живые стаи, то либо в коде симулятора произошёл колоссальный сбой, либо он очутился далеко за пределами привычного двадцать первого века.

Он вызвал Систему.

— Разве в трейлере игры действие не происходило в двадцать первом веке? — недоуменно спросил А-Эр. — Где мы?

[С высокой долей вероятности вы находитесь в глубокой древности Земли] — бесстрастно отозвался тот.

— В древности?!

Свобода выбора и разнообразие — это, конечно, прекрасно для симулятора жизни. Но для людей из межзвёздной эпохи, избалованных благами цивилизации, предел экзотики заканчивался на двадцатом веке. Погружение во времена, когда человечество ещё не изобрело даже электричество, превращалось из развлечения в изошрённую пытку.

К тому же при великом исходе с Земли человечество утратило колоссальный объём исторических данных. События недавнего прошлого ещё как-то поддавались реконструкции, но заглянуть вглубь веков могли лишь единицы — горстка узкоспециализированных учёных.

Большинство игровых студий обходили доисторическую эпоху стороной. Мало того что спрос на подобные сеттинги среди игроков стремился к нулю, так ещё и для воссоздания достоверного мира пришлось бы нанимать целую коллегию историков. Иначе получилась бы дешёвая фальшивка, которую искушённая публика мгновенно разнесла бы в пух и прах. А услуги настоящих экспертов стоили баснословных денег. Да и не каждого из них можно было заманить гонораром — эти люди, как правило, принадлежали к высшей межзвёздной аристократии.

В рекламной кампании чёрным по белому значилась современность. А-Эр и представить не мог, что его забросит в такую глушь.

— Изначально этого не планировалось, — ехидно отозвался Система. — Но из-за недавнего вторжения одного крайне беспардонного существа процесс загрузки дал критический сбой.

Судя по интонации, Система пребывал в глубочайшем унынии. А-Эр редко видел его таким раздражённым. Ему даже захотелось потрепать его по виртуальной макушке, но обе руки были заняты свёртком с младенцем. Заметив его порыв, Система сам спикировал ему на плечо и ласково потёрся о щеку.

Почувствовав, что смертельная угроза в лице старшего брата пока миновала, младенец, движимый инстинктом выживания, жалобно захныкал. А-Эр принялся бережно укачивать его, пытаясь успокоить, но тихий плач не прекращался.

Когда он уже совсем отчаялся, Система подала голос:

— * «Возможно, он просто хочет есть?»*

А-Эра словно осенило. Ну конечно!

Сам А-Эр не испытывал ни малейшего дискомфорта. Наоборот, его не покидало странное, зловещее ощущение сытости, о природе которого ему очень не хотелось задумываться. Но обычный новорождённый ребёнок — хрупкое существо, голод для него смертельно опасен. Нужно срочно найти пищу.

Вот только где посреди непроходимой чащи раздобыть молоко?

Делать нечего. Прижав брата к груди, А-Эр двинулся вперёд в надежде выйти к какому-нибудь человеческому жилью. Вдруг повезёт набрести на деревню и выпросить у кормящей матери хоть каплю молока?

Однако он шёл час за часом, а дикий бор всё не кончался. Здесь не было и намёка на дороги. Под ногами громоздились поваленные стволы, бурелом и скользкая прелая листва, в которую ноги уходили по щиколотку. Каждый шаг давался с трудом, силы быстро иссякали, а отсутствие компаса лишало всякой надежды выбрать верный путь.

Путь преграждали заросли дикого колючего кустарника в человеческий рост. Боясь, что острые шипы оцарапают нежную кожу младенца, А-Эр поднял его над головой. Сам он нещадно обдирал руки и лицо о ветви, но упрямо продирался вперёд, сосредоточившись лишь на том, чтобы не оступиться и не выронить свою драгоценную ношу.

В конце концов силы окончательно покинули его. Тяжело дыша, с ватными от усталости ногами и дрожащими руками, он прислонился к шершавой коре векового ясеня. В эту минуту он с щемящей нежностью вспомнил тело Кадзумы Арааки — то самое, которое могло без царапины пережить лобовое столкновение с грузовиком.

Ребёнок в его руках уже перестал плакать — у него просто не осталось сил кричать. А-Эра охватила паника. От отчаяния он готов был сам превратиться в кормилицу, лишь бы спасти брата.

«Может, обменять системные очки на сухое молоко?» — лихорадочно соображал он, как вдруг из лесной чащи бесшумно выплыли призрачные полупрозрачные силуэты. Это были низшие проклятые духи, сотканые из людской злобы и страха.

Твари усталились на младенца, плотоядно оскалив пасти. Однако, заметив А-Эра, они замерли в нерешительности. Проклятия были лишены разума, но на уровне чистых инстинктов ощущали колоссальную разницу в силе. Встревать в драку с высшим существом им не хотелось, и они попытались проскользнуть мимо, делая вид, будто никого не заметили.

Но стоило им поравняться с деревом, как младенец вдруг изо всех сил взмахнул крошечной ручкой и издал свой первый в жизни членораздельный звук:

— А-а!

Проклятые духи замерли.

А-Эр удивлённо моргнул.

«...»

В его голове родилась безумная идея.

Спустя десять минут малыш уже довольно урчал, уютно устроившись на коленях у брата и с аппетитом высасывая бьющееся в конвульсиях проклятие.

А-Эр осторожно похлопал его по спине и мягко пожурил:

— Ну же, глупышка, не хватай так жадно. Поперхнёшься ведь.

С этими словами он ловко перехватил ещё одного духа, который пытался незаметно уползти в подлесок, и с ласковой улыбкой протянул его проголодавшемуся братишке.

По мере того как младенец поглощал проклятую энергию, его тельце наливалось силой и крепло буквально на глазах. Он всё ещё оставался крохой, но теперь выглядел на диво здоровым и упитанным.

А-Эр принялся без умолку ворковать над ним, терпеливо приучая к простому слову. Малыш оказался на редкость смыслёным. Стоило брату несколько раз повторить нужные слоги, как он звонко пролепетал:

— Бра-а... Брат!

— Умничка! А уж как я тебя люблю!

Сердце А-Эра переполнилось чистым, незамутнённым восторгом. Он крепко прижал к себе это маленькое чудо и с новыми силами зашагал сквозь лесную чащу навстречу людям.

<http://bllate.org/book/18335/1760496>